

Академия наук СССР

Институт истории
естествознания и техники

ИСТОРИКО- БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1978

Редакционная коллегия:

С. Р. МИКУЛИНСКИЙ
(ответственный редактор)

Д. К. БЕЛЯЕВ

Л. Я. БЛЯХЕР

П. А. ГЕНКЕЛЬ

И. И. КАНАЕВ

Е. М. КРЕПС

К. В. МАНОЙЛЕНКО

В. И. НАЗАРОВ

(ответственный секретарь)

В. Н. ЧЕРНИГОВСКИЙ

М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ

Настоящий выпуск открывается исследованиями о развитии биологии в XX в. Они посвящены анализу характерных тенденций развития биологии в целом, развитию идеи об изменемости факторов и законов эволюции, рассмотрению трудов Г. А. Левитского по морфологии хромосом и работ М. С. Цвета по изучению каротиноидов. В очерках, посвященных более отдаленному прошлому, обстоятельно рассмотрены важные исследования последней четверти XIX в., приведшие к современным представлениям о кариокинезе, оплодотворении, учениям об индивидуальности хромосом и непрерывности зародышевой плазмы. Освещена роль М. А. Ангоновича как популяризатора и пропагандиста дарвинизма в России. Впервые публикуется доклад петербургского академика И. Вейтбрехта. Сборник рассчитан на биологов различных специальностей, студентов и аспирантов.

М. А. АНТОНОВИЧ — ПОПУЛЯРИЗАТОР И ПРОПАГАНДИСТ ДАРВИНИЗМА

Первое русское издание «Происхождения видов» Ч. Дарвина вышло в свет в 1864 г. В том же году в журнале Н. А. Некрасова «Современник» была опубликована пространная рецензия, написанная М. А. Антоновичем¹. Этой рецензией была сделана одна из первых попыток популяризации эволюционных идей Дарвина среди широкого круга русских читателей. Для характеристики М. А. Антоновича как популяризатора и пропагандиста дарвинизма следует привести краткие сведения относительно его жизни и деятельности.

Максим Алексеевич Антонович (1835—1918) родился в г. Белополье Харьковской губернии (ныне Сумской области); он был сыном дьячка, и родственники готовили его также к духовной деятельности: Антонович обучался в Харьковской семинарии и Петербургской духовной академии², однако он избрал путь литератора — критика, публициста и популяризатора науки. С 1859 г. Антонович был сотрудником журнала «Современник», печатался также в «Народном чтении», «Новом обозрении» и других журналах. В своих философских статьях он выступал против различных идеалистических течений, в частности против гегельянства, неокантианства и агностицизма, в защиту материалистических взглядов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова³.

В области биологии Антонович интересовался физиологией, и особенно эволюционным учением. Методологическим вопросам физиологии посвящено

¹ Антонович М. Теория происхождения видов в царстве животном. (О происхождении видов в царствах животном и растительном путем естественного подбора родичей или сохранения усовершенствованных пород в борьбе за существование. Сочинение Чарльза Дарвина. Перевел с английского С. Рачинский. СПб., 1864). — Современник, 1864, С1, № 3—4, 63—107.

² Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 3, с. 73—74.

³ Философские взгляды Антоновича освещались с разной степенью подробности в советской литературе (см. *Кирпотин В. Я.* Публицистическая деятельность Антоновича до ареста Чернышевского. — В кн.: Публицисты и критики. М., 1932, с. 73—92; *Коган Л.* Материализм М. А. Антоновича. — Под знаменем марксизма, 1939, № 5; *Пеунова М. И.* Мировоззрение М. А. Антоновича. М., Изд-во АН СССР, 1960. 190 с.

несколько статей Антоновича. В одной из них ⁴ была охарактеризована книга Льюиса «Физиология обыденной жизни». Антонович полемизировал в ней с профессором богословия П. Д. Юркевичем, который в статьях, опубликованных в 1861 и 1862 гг. в «Русском вестнике», возражал против материалистического понимания жизненных явлений, особенно высшей нервной деятельности. Историк физиологии Х. С. Коштоянц обратил внимание на то, что Антонович за год до появления «Рефлексов головного мозга» И. М. Сеченова отстаивал мысль, что явления ощущения должны изучать физиологи; если же о них берутся судить психологи, то важно, чтобы они «наблюдали то, что есть на самом деле, а не выдумывали произвольно разных подозрительных и несуществующих агентов» ⁵.

Интерес Антоновича к основным проблемам физиологии выразился также в переводе книг М. Фостера «Физиология» (СПб., 1873) и К. Бернара «Общая физиология, или явления жизни, общие животным и растениям» (СПб., 1878). Антонович отстаивал обоснованное Сеченовым материалистическое понимание закономерностей психической деятельности и позднее ⁶. Уже на склоне лет он приветствовал И. П. Павлова как продолжателя трудов Сеченова ⁷. Содержание полемики по вопросам соотношения физиологии и психологии, в которой принимал участие Антонович, освещено в книге М. Г. Ярошевского ⁸.

Рецензия на перевод «Происхождения видов» Дарвина начинается многословными и написанными в неприятном «журналистском» стиле рассуждениями о читателях, на которых «воззрения известных у нас европейских писателей мало оставляют следа» (стр. 65). Этот стиль можно проиллюстрировать выдержкой: «Если посмотреть с виду, то мы решительно ни в чем не отстали от просвещенной Европы, даже в ученном и книжном отношении. В Европе есть ученые и учебные заведения, и у нас они есть; в Европе

⁴ Антонович М. А. Современная физиология и философия.— Современник, 1862, № 2. Перепечатана в кн.: Антонович М. А. Избр. философские соч. М., Госполитиздат, 1945, с. 129—172. Редактор книги В. С. Кружков в комментариях заметил: «Современная физиология и философия» — звено в полемике, вызванной статьей Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Противники Чернышевского, стремясь дискредитировать его философские взгляды, ссылались... на Дж. Льюиса... Антонович воспользовался выходом русского издания книги Льюиса для того, чтобы показать, насколько неудачны эти ссылки» (стр. 365).

⁵ Цит. по: Коштоянц Х. С. Очерки по истории физиологии в России. М.—Л., 1946, с. 221.

⁶ Антонович М. А. Профессор Сеченов о несвободе воли.— Новое обозрение, 1881, № 2. Можно упомянуть также значительно более ранние статьи: Антонович М. А. Промахи (Последний философ В. А. Зайцев).— Современник, 1865, № 2, 4. В этих статьях Антонович критиковал Зайцева за ошибочную трактовку взглядов Сеченова.

⁷ Антонович М. А. Письмо в редакцию журнала «Современник», № 1, 1911, 396. Цит. по кн.: Пеунова М. Н. Мировоззрение М. А. Антоновича, с. 106; см. сноску 3.

⁸ Ярошевский М. Г. Иван Михайлович Сеченов. Л., 1968, с. 70, 78—79, 113—116.

есть университеты, и у нас они есть...» Такими сентенциями заполнены четыре страницы. О литературном языке Антоновича В. Евгеньев-Максимов писал: «В последние десятилетия своей долгой жизни, как впрочем и ранее... он мало обращал внимания на стиль своих статей. Отсюда некоторая неряшливость и небрежность изложения, утомительные подчас длинноты и т. д.»⁹

Упомянутые особенности литературного стиля Антоновича привели к тому, что деятели науки того времени оставляли его статьи и книги без внимания. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что К. А. Тимирязев, принимавший близко к сердцу судьбу дарвинизма в России, ни в одном из своих печатных выступлений не упоминал даже наиболее серьезной книги Антоновича о Дарвине¹⁰.

Внешняя форма, а в ряде отношений и содержание статей Антоновича встречали осуждение историков литературы. Евгеньев-Максимов привел выдержку из книги С. А. Венгерова: «В самостоятельных статьях Антонович выступает больше всего в роли «разносителя» мелких литературных людишек... Таким же «разносителем» он остается в тех немногих случаях, когда отвлекается от мелких литературных дряг и трактует о явлениях более крупного разбора»¹¹. В таком духе писали об Антоновиче также Н. Энгельгардт¹² и И. Иванов¹³.

Евгеньев-Максимов считал, что Антонович «ни в какой мере не заслуживает отзывов, подобных вышеприведенным... Нельзя не признать, что его горячие и задорные критические наскоки вызывались соображениями принципиального порядка» (стр. 17). Следует добавить, что литературное наследие Антоновича не ограничивается журнальной публицистикой и литературной критикой; его заслуги как пропагандиста материалистических взглядов о науке несомненны. Цель настоящей статьи — напомнить о них современному читателю.

Наиболее существенной заслугой Антоновича как популяризатора естествознания и борца за материалистическое мировоззрение в 60—90-х годах является его пропаганда дарвинизма. «Приветствуя с радостью русский перевод Дарвина», Антонович желал ему «внутреннего успеха», т. е. понимания, а не только повода для разговоров, выражая, впрочем, сомнения «относительно того, многие ли поймут мысли Дарвина, проникнут в их сущность» (стр. 67). Рецензия Антоновича и ставила своей задачей содействовать этому пониманию. В ней изложены представления Дарвина относительно изменения домашних животных, осуществляв-

⁹ В. Евгеньев-Максимов. Предисловие.— В кн.: Антонович М. Избранные статьи. Философия. Критика. Poleмика. Л., 1938, с. 4.

¹⁰ См. сноску 15.

¹¹ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 1. СПб., 1889, с. 15.

¹² Энгельгардт Н. История русской литературы XIX столетия. СПб., 1902.

¹³ Иванов И. История русской критики. СПб., 1900.

шегося «главным образом вследствие искусственного подбора родичей... Этот результат приложим и к диким животным» (стр. 75). «Как же и что производит эти изменения, отчего изменения, раз начавшись, продолжают идти далее и что направляет в ту или другую сторону ход этих изменений? Ответом на эти вопросы служит оригинальная мысль Дарвина о борьбе за существование и о естественном подборе» (стр. 76). Далее Антонович говорит о размножении в геометрической прогрессии как об источнике борьбы за существование, проявляющейся как в форме «соствязания» особей одного вида, так и в форме борьбы с неблагоприятными физическими условиями существования, причем Дарвин понятием борьбы за существование обозначал всякую зависимость одного существа от другого и отмечал, что «наиболее упорную борьбу ведут между собой особи одного и того же вида» (стр. 77). Всякое изменение, выгодное в борьбе за жизнь, повышает у изменившихся таким образом организмов шансы на победу. Расхождение признаков, обеспечивающее приспособление к различным условиям существования, также увеличивает шансы выживания. Антонович специально отметил относительность целесообразности возникающих изменений и вообще любых признаков. В заключение рецензии приведены выдержки из работ, посвященных обсуждению теории Дарвина, как подтверждавших, так и критиковавших эту теорию. В числе первых Антонович назвал книгу Т. Гексли «О положении человека в ряду органических существ»¹⁴ и привел из нее следующую выдержку: «Если эта гипотеза (эволюции под действием естественного отбора. — Л. Б.) не совершенно истинна, то по крайней мере она настолько же близка к истине, как, например, гипотеза Коперника приближалась к настоящей теории движения светил» (стр. 104). В качестве примера отрицательных суждений Антонович упомянул мнение Бронна, высказанное в его переводе труда Дарвина на немецкий язык: «Мы не видим, чтобы появлялись новые виды, и не знаем той силы природы, которая может произвести новые виды». «Дарвинова теория,— возразил Антонович, —...ведет нас единственно возможным путем» (стр. 105).

Спустя 32 года после напечатания рассматриваемой рецензии Антонович выпустил книгу¹⁵, в которой приведены биографиче-

¹⁴ Гексли Т. О положении человека в ряду органических существ (пер. под ред. Бекетова). СПб., 1864.

¹⁵ Антонович М. А. Чарльз Дарвин и его теория. С биографией и обзором его сочинений. СПб., 1896. 353 с. В литературе по истории эволюционной теории имеются лишь краткие ссылки на эту книгу Антоновича. К. М. Завадский в монографии «Развитие эволюционной теории после Дарвина. 1859—1920-е годы» (Л., 1973) писал: «Существуют превосходные работы (излагающие учение Дарвина.— Л. Б.), начиная с классической книги Тимирязева «Чарльз Дарвин и его учение» и других старых книг (например: Ролле, 1865; Антонович, 1896; Романес, 1899; и др.)» (стр. 53). О статье Антоновича в «Современнике» 1864 г. (см. сноску 1), вышедшей одновременно со статьей студента Тимирязева в «Отечественных запис-

ские сведения о Дарвине, подробно освещено содержание его основных трудов и значение его теории для обоснования материалистического мировоззрения. Три главы из этой книги были переизданы в советское время в сборнике философских трудов Антоновича¹⁶.

В книге, посвященной Ч. Дарвину и его теории, Антонович присоединился к мнению, что Дарвина следует считать Коперником биологических наук, доказавшим, что органический мир не неподвижен и что жизненные формы видоизменяются и развиваются. «Теория Дарвина, — по словам Антоновича, — не имеет до сих пор ни одной сколько-нибудь серьезной соперницы, а та теория, которая была низвергнута ею (Антонович имеет в виду доктрину креационизма. — Л. Б.) потеряла уже всякое научное значение ...хотя и влачит еще жалкое существование в ненаучных сферах... Являются попытки видоизменить, пополнить теорию Дарвина, заменить дарвиновский подбор каким-нибудь другим фактором, воскресить, например, ламарковские идеи» (стр. 12). Все эти попытки Антонович считал неудачными, не содержащими никаких новых принципов и идей.

Основное философское значение теории Дарвина Антонович видел в том, что эта теория нанесла смертельный удар схоластическому учению о конечных причинах. Он подробно охарактеризовал понятие целесообразности, являющееся основой традиционных, связанных с религией взглядов: «Целесообразность служила одной из твердейших опор для схоластической метафизики... Понятно после этого, как важна для философии естествознания заслуга Дарвина, который показал, что целесообразность органического мира... объясняется естественными причинами, именно естественным отбором» (стр. 23).

На эту тему Антонович полемизировал с П. Л. Лавровым, который «признавал, что в природе существует причинная целесообразность, что в ней все совершается по кем-то предусмотренной гармонии», признание которой, по мнению Лаврова, является мощным аргументом против материализма. «Это было напечатано в то время (1861), — вспоминал Антонович, — когда уже явилась в свет (1859) теория Дарвина ...Меня, в то время горячего последователя и поклонника дарвинизма, просто возмутил этот аргумент, признававший предначертанный план и какой-то первообраз в эволюции органических форм»¹⁷.

как», также упомянуто у Завадского (стр. 57) и в кн.: Берман З. И., Зеллиман А. Л., Полянский В. И., Полянский Ю. И. История эволюционных учений в биологии. М.—Л., 1966, с. 238.

¹⁶ Антонович М. А. Избр. философские соч., 312 с.

¹⁷ Антонович М. А. По поводу статьи Н. С. Русанова «П. Л. Лавров». — Былое, 1907, февраль. Перепечатано: Антонович М. А. Воспоминания. — В кн.: Шестидесятые годы. СПб., «Academia», 1833, с. 239—240. Комментируя это место из статьи Антоновича, редактор сборника «Шестидесятые годы» В. Евгеньев-Максимов сослался на статью В. Я. Кирпотипа «Публицистическая деятельность Антоновича до ареста Чернышевского»,

Биографический очерк Дарвина Антонович заключил характеристикой его высоких нравственных достоинств, скромности и научной принципиальности. Для контраста приведены несомненно сильно преувеличенные моральные недостатки Декарта и Лейбница. Так, Декарт, этот «независимый и свободный философ» становится, по словам Антоновича, настоящим гоф- и лейб-философом ...в своих отношениях к собратьям руководствуется чувством мелкой зависти, старается присвоить чужие открытия ...в угоду духовенству кривит душою, меняет свои убеждения и пишет не то, что думает, хвастаясь, что он руководствуется девизом: «*Bene vixit, qui bene latuit*»¹⁸. Лейбницу Антонович приписывал жадность к деньгам и беспринципный спор с Ньютоном о приоритете открытия дифференциального исчисления. Имея в виду идеалистические моменты в мировоззрении Уоллеса, Антонович сопоставлял взгляды Дарвина и Уоллеса следующим образом: «В специальной науке они сходятся в главном, они единомышленники, а между тем какая страшная бездна между ними в общепhilosophических воззрениях!» Ссылаясь на письма Дарвина, Антонович писал: «Воззрения Уоллеса всегда поражали Дарвина до такой степени, что он... готов был думать и утверждать, что эти воззрения были вставлены в статьи Уоллеса какой-нибудь постронною рукою»¹⁹ (стр. 21). В сходных выражениях Антонович характеризовал разногласия между Дарвином и Лайелом. Цитируя письмо Дарвина к Гукеру по поводу книги Лайела «Древность человека», Антонович утверждал, что Дарвин «решительно не верил заявлениям Лайела, будто последний написал именно то, что думает», так как Дарвин вполне уверен, что «он [Лайел] несколько не более верит в сотворение видов, чем вы и я» (стр. 27).

Специальную главу своей книги Антонович посвятил защите учения Дарвина от обвинений в аморальности. Не называя имен, Антонович привел высказывания, согласно которым «теория Дарвина жестока, безжалостна и бесчеловечна, безнравственна и анти-

в которой сказано: «Чернышевскому, занятому экономическими и политическими вопросами, некогда было заняться пропагандой и разъяснениями своих философских воззрений... Эту задачу взял на себя Антонович». В частности, полемика Антоновича с идеалистическими взглядами Лаврова явилась продолжением той полемики, которую начал еще Чернышевский. В статье «Антропологический принцип в философии» («Современник», 1860, № 4, 5), он критиковал книгу Лаврова «Очерки вопросов практической философии», утверждая, что «удовлетворительное объяснение революционных задач может быть дано только материалистической фейербаховской философией». Приведя эту выдержку из Чернышевского, Кирпотин заметил, что у Антоновича слабые стороны русского фейербахизма выступили сильнее, чем у Чернышевского.

¹⁸ Хорошо прожил тот, кто хорошо скрывался — парафраза слов Овидия: «*Qui bene latuit, bene vixit*».

¹⁹ Здесь и ниже выдержки из писем Дарвина и писем к нему, взятые из издания: *Life and letters of Ch. Darwin, v. I—III. London, 1888* — приводятся в переводах Антоновича.

социальна: она освящает принципы вражды, ненависти, борьбы...его теория жестокосердно осуждает на гибель все слабейшее... Своим авторитетом естествоиспытателя он подтверждает и усиливает политико-экономические *vae victis* (горе побежденным) своего соотечественника Мальтуса» (стр. 91). «Подобного рода возражения и упреки, — заключил Антонович, — до такой степени несерьезны, что невольно чувствуется неловкость при их опровержении... Уж если бы теория Дарвина, заодно с теорией Маркса, до такой степени благоприятствовала буржуазной конкуренции и эксплуатации ...то общественные представители этих элементов... встретили бы обе теории с распростертыми объятиями ...чего, как известно, на деле не было, а было совсем противоположное. И в настоящее время самыми ожесточенными противниками Дарвина, как и Маркса, оказываются те сферы, которые служат опорами... буржуазной эксплуатации и всякой экономической и политической неправды» (стр. 92). Одновременно Антонович принципиально возражал против использования аргументов из одной области (политической, моральной или эстетической) для суждения о справедливости обобщений в другой области (биологической). Упреки Дарвину за его «единомыслие с Мальтусом и за заимствование от него сути теории», как считал Антонович, вызвал сам Дарвин, который «с свойственной ему откровенностью чистосердечно и доверчиво посвятил публику во внутренний процесс развития своих идей и прямо сказал, на какие мысли навело его чтение Мальтуса». Антонович считал, что Дарвин напрасно уступал приоритет Мальтусу: «Продолжительные наблюдения над животными и растениями, — рассказывает Дарвин, — вполне подготовили его понять всю важность совершающейся повсюду борьбы за существование, и потому при чтении Мальтуса ему тотчас же пришла в голову мысль, что при такой борьбе благоприятные изменения будут сохраняться, а неблагоприятные уничтожаться» (стр. 97). Заметив, что идея выживания более приспособленных в борьбе за существование созрела у Дарвина до прочтения книги Мальтуса, Антонович остроумно сравнил импульс, полученный Дарвином от знакомства с «Трактатом о народонаселении» Мальтуса, с падением яблока для Ньютона и с качанием паникадила в Пизанском соборе для Галилея. «Это были, — по словам Антоновича, — импульсы, вызвавшие переход великих идей из потенциального состояния в кинетическое» (стр. 100).

Весьма возможно, что, говоря об обвинениях Дарвина в мальтузианстве, Антонович имел в виду Е. Дюринга, сочинения которого, в особенности его «Курс философии как строго научного мировоззрения и жизнеформирования»²⁰, подверг решительной критике Ф. Энгельс в серии статей под общим заглавием «Переворот в философии, совершенный 1-ном Евгением Дюрингом» в га-

²⁰ *Dühring E. Cursus der Philosophie als streng wissenschaftlicher Weltanschauung und Lebensgestaltung. Leipzig, 1875.*

зете «Vorwärts» (№ 1—56, 1877), в дальнейшем объединенных в книгу, которая известна под кратким названием «Анти-Дюринг». Энгельс писал: «Против... дарвиновской теории г-н Дюринг выдвигает тот аргумент, что, по признанию самого Дарвина, происхождение идеи борьбы за существование следует искать в обобщении взглядов экономиста, теоретика народонаселения, Мальтуса и что поэтому данная теория страдает всеми теми недостатками, которые свойственны поповско-мальтузианским воззрениям относительно перенаселения.— Между тем Дарвину и в голову не приходило говорить, что происхождение идеи борьбы за существование следует искать у Мальтуса... каждый может с первого взгляда заметить, что не требуется мальтусовских очков, чтобы увидеть в природе борьбу за существование, увидеть противоречие между бесчисленным множеством зародышей, которые расточительно производит природа, и незначительным количеством тех из них, которые вообще могут достичь зрелости,— противоречие, которое действительно разрешается большей частью в борьбе за существование...»²¹.

С. Л. Соболев в специальной статье, посвященной опровержению легенды о мальтузианстве Дарвина²², сослался как на приведенную выдержку из «Анти-Дюринга», так и на слова Маркса во II томе «Теории прибавочной стоимости»: «Дарвин в своем превосходном сочинении не видел, что он опрокинул теорию Мальтуса, открыв «геометрическую» прогрессию в царстве животных и растений»²³. Далее С. Л. Соболев упомянул, что И. И. Мечников, К. А. Тимирязев и И. И. Шмальгаузен окончательно выяснили «вопрос о взаимоотношении между учением Мальтуса... и учением Дарвина... в том смысле, что между ними нет ничего общего» (стр. 645). Основываясь на текстах тогда еще не опубликованной «Записной книжки» Дарвина 1837—1838 г., Соболев пришел к выводу, что значение искусственного отбора и идея естественного отбора были в принципе ясны Дарвину еще до знакомства с сочинением Мальтуса. «Чтение книги Мальтуса,— продолжал Соболев,— послужило, как это часто бывает, просто внешним толчком, пробудившим в сознании Дарвина весь огромный, уже ранее накопленный и подготовленный к окончательной формулировке материал», т. е. сыграло роль «яблока» или «паникадила», о которых писал Антонович. «Упоминание Дарвином... имени Мальтуса объясняется,— как считал Соболев,— исключительной щепетильностью Дарвина... его страхом — не перед людьми, а перед собственной совестью — оказаться в положении автора, «укравшего» чью-то мысль» (стр. 656). Нет оснований утверждать, что Антонович был знаком со статьями Энгельса, легшими

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 69.

²² Соболев С. Л. Эволюционная концепция Ч. Дарвина в период до его ознакомления с сочинением Мальтуса.— Зоол. журн., 1958, 37, вып. 5, 643—658.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 127.

в основу «Анти-Дюринга», или с этой книгой, что дает право говорить о самостоятельности суждений Антоновича.

«Те же, буквально те же упреки (в жестокости.— Л. Б.),— продолжал Антонович,— делаются и делались экономической теории Маркса», поскольку утверждали, что «Маркс перенес в человеческий духовный мир все то, что Дарвин придумал относительно бездушного мира растений и животных» (стр. 101). «Теория Мальтуса и теория Дарвина,— справедливо заметил Антонович,— две разные вещи... один говорит об искусственных условиях человеческих обществ, а другой — о естественных условиях всей органической жизни... Мальтуса опровергали и опровергают данными экономической статистики, а против Дарвина эти данные бессильны» (стр. 103). Дальнейшее сопоставление теорий Дарвина и Маркса у Антоновича таково: «Дарвину удалось решить вопрос о том, как происходят растительные и животные виды в борьбе за существование. Марксу удалось решить вопрос о том, как возникают различные виды общественной организации в борьбе людей за их существование... Дарвин объясняет происхождение видов не прирожденной будто бы животному организму тенденцией к развитию, как это делал еще Ламарк, а приспособлением организма к условиям, вне его находящимся... Маркс объясняет историческое развитие человечества не природой человека, а свойствами общественных отношений между людьми... Дух исследования решительно одинаков у обоих мыслителей» (стр. 104). Последнюю фразу, очевидно, следует понимать так, что и Дарвин и Маркс отвергали идеалистическое, автогенетическое толкование эволюции органической природы и общества, якобы управляемых непознаваемой целенаправленностью явлений развития, а объясняли ее материальными отношениями между организмами и их окружением (у Дарвина) и производственными отношениями в человеческом обществе (у Маркса). Для подкрепления этого заключения Антонович сослался на Г. В. Плеханова, приведя соответствующую выдержку из его книги ²⁴.

Специальную главу Антонович посвятил зарождению и развитию теории Дарвина, начиная с путешествия на «Бигле», во время которого Дарвин пришел к мысли об изменяемости органических форм. В «Записной книжке» 1837 г., как писал Антонович, «набросан был самый общий и беглый очерк главнейших пунктов его теории» (стр. 107), хотя «о естественном подборе, о борьбе за существование тут еще нет помину» (стр. 108). «Только в 1844 г. он (Дарвин.— Л. Б.) написал для себя краткий, но связный очерк теории» (стр. 111). Здесь Антонович не упомянул об очерке 1842 г., хотя раньше (стр. 68) он процитировал письмо Дарвина, в котором об этом очерке говорится: «Если бы Уоллес читал рукописное изложение моей теории, сделанное в 1842 г., то он не мог

²⁴ Бельтов Н. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. СПб., 1895.

бы сделать лучшего краткого извлечения из него». Дарвин имел при этом в виду статью Уоллеса «О стремлении разнообразней безгранично уклоняться от первоначального типа». Далее Антонович процитировал два письма Дарвина к Гукеру. В одном из них Дарвин писал, что первоначально он только усиленно собирал всякие материалы, имеющие какую-либо связь с вопросом о видах. «Наконец,— продолжает Дарвин,— для меня блеснул луч света и я почти убедился (совершенно противоположно тому мнению, из которого я исходил), что виды изменчивы (это — что-то вроде сознания в убийстве). Боже меня сохрани от ламарковских нелепостей «стремления к прогрессированию», «приспособления вследствие желаний животных» и пр.» (стр. 117). В другом письме Дарвин выражал удивление, что «автор такой книги, как «*Amphibians sans vertèbres*» (т. е. Ламарк.— Л. Б.), мог написать, что насекомые, которые никогда не видят своих яиц, пожелали, чтобы они были определенной формы, так чтобы могли прикрепляться к известным предметам. Другое общепринятое (именно в Германии) мнение едва ли менее нелепо, т. е. что будто бы климат, пища и пр. сформировали вошь таким образом, чтобы она могла ползать в волосах, а дятла таким образом, чтобы он мог лазать по деревьям» (стр. 118).

В двух следующих главах Антонович рассказал о реакции на выход в свет «Происхождения видов» Ч. Лайела, А. Грея, Уотсона и Т. Гексли, о враждебных статьях в «*Athenaeum*», «*Gardner Chronicle*», «*Saturday Review*», и особенно в «*Edinburgh Review*» (без указания авторов). Далее упомянута невежественная и недобросовестная статья в «*Quarterly Review*» (июль 1860 г.), которая «самого Дарвина только позабавила, и он послал ее Лайелу, чтобы и его позабавить ею» (стр. 173). Как утверждал Антонович, впоследствии выяснилось, что автором этой статьи был епископ Уилберфорс, позднее ставший участником знаменитого оксфордского диспута с Т. Гексли²⁵. Антонович живо описал это событие и облек свое описание в форму газетного фельетона, заботясь не столько о правдоподобии, сколько о хлестком стиле своего описания. Приведя «выходку» епископа Уилберфорса, спросившего Гексли, происходит ли он от обезьяны со стороны бабушки или со стороны дедушки, и ответную «выходку» Гексли, уличившего своего оппонента в невежестве и недобросовестности, Антонович заключил: «Уж это было не в бровь, а в самый глаз. Эффект получился необыкновенный; публика заволновалась; поднялся шум и крик; дамы падали в обморок» (стр. 175—176). Последнюю деталь Антонович явно придумал, как говорится, для красного словца.

После выхода в свет четвертого издания «Происхождения видов» «Уоллес,— как писал Антонович,— советовал Дарвину заметить неудовлетворительный, по его мнению, термин «естественный

²⁵ Советские читатели знакомы с этим диспутом по книге А. Д. Некрасова «Борьба за дарвинизм». М.— Л., 1926, с. 5—13.

подбор» другим, более точным термином — «переживание способнейшего». Отвечая Уоллесу, Дарвин соглашался с ним относительно преимуществ прекрасного выражения Спенсера «переживание способнейшего». Дарвин считал, однако, что было бы полезно поставить в связь естественный и искусственный подбор; «это и заставило для того и другого употреблять один термин» (стр. 188—189).

«В то время,— продолжал Антонович,— когда Дарвин и его последователи, считая себя победителями и поживая на лаврах, воображали, что они уже безопасны для неприятельских нападений... вдруг в 1871 г. последовало новое и серьезное нападение на дарвиновскую теорию, и уже не в виде статьи, а в виде целой значительной книги, и сделанное не каким-нибудь невеждой по естествознанию, вроде епископа оксфордского, а специалистом-зоологом, хотя, впрочем, тоже пропитанным сильно теологической ревностью и клерикальным духом. Это было сочинение Мивара (Антонович так транскрибировал фамилию Майварта.— Л. Б.), профессора естественной истории в католической коллегии в Кенсингтоне». Майварт утверждал, что «мелкие и едва заметные изменения разных частей организма, которыми, по Дарвину, начинается изменение видов, не могут по своей незначительности быть полезными организму в борьбе за существование, а потому не могут подвергаться естественному подбору» (стр. 191). И все же выступление Майварта Антонович расценивал как поворот («революцию») в общественном мнении в отношении теории эволюции; если ранее самое допущение изменяемости видов считалось «злой ересью», то теперь противник Дарвина «нападает только на естественный подбор... выставляет себя эволюционистом и старается со всякими натяжками сделать эволюционистами даже потомков иезуитов» (стр. 193—194). Антонович подробно изложил полемику Дарвина с Майвартом в VII главе шестого издания «Происхождения видов» (1872) (стр. 194—195).

После освещения дискуссий о книге Дарвина на его родине Антонович коснулся соответствующих событий в Америке. Против Дарвина в «*American Journal of Sciences and Arts*» в 1860 г. выступил Агассиц, исходя «главным образом из теологических и метафизических соображений» (стр. 197). Затем в том же году в «*North American Review*» появилась враждебная статья без подписи (Дарвин выяснил, что ее автором был профессор естественной религии и моральной философии Боуен); в том же духе выступил юрист Парсон. «Единственным защитником теории и ее пропагандистом, по словам Антоновича, был Аза Грей. Он был в Америке тем же, чем был в Англии Гексли» (стр. 199). «А. Грей напечатал в «*Atlantic Monthly*» (1860) подробный разбор и опровержение статей Агассица, Боуена и Парсона» (стр. 202).

Следующая глава книги Антоновича посвящена откликам на книгу Дарвина в Германии, Франции и России. Антонович отметил, что идея единого происхождения органического мира была

в какой-то мере созвучна идеям германской натурфилософии, которая «уже давно учила о единстве всего сущего», — так что положение о единстве происхождения животных и растений «воспринималось немецкими читателями как частный вывод из общей философской основы» (стр. 204). Антонович упомянул о переписке Дарвина с Бронном, опубликовавшим немецкий перевод «Происхождения видов»; Дарвин справедливо считал неудачным перевод термина «естественный подбор» немецкими словами «Wahl der Lebensweise» («выбор образа жизни»). По словам Антоновича, Бронн при переводе книги Дарвина «действовал как цензор и самовольно зачеркивал места, почему-нибудь ему не нравившиеся, хотя имевшие существенную важность в смысле выражения идей автора: так он, например, вычеркнул фразу, говорившую о том, что новая теория прольет свет на происхождение человека, а этой фразой... Дарвин с сознательным расчетом думал оградить себя от обвинения в скрывании своих взглядов на происхождение человека» (стр. 206—207). Антонович упомянул также о письме К. Бэра к Гексли; Бэр ссылаясь на свой трактат «Ueber Papuas und Alfurep», в котором он сам, «основываясь на зоологической географии, говорил то же, что и Дарвин, не зная, что Дарвин занимается этим предметом». «Впоследствии,— как заметил Антонович,— оказалось, что Бэр не принимал теории Дарвина во всем ее объеме» (стр. 208—209). Безусловными последователями Дарвина Антонович считал Бюхнера, Фогта, Ролле и др. Однако в Германии «скоро явился свой Гексли или Аза Грей... — молодой зоолог Эрлст Геккель, который... в 1863 г. выступил с проповедью новой теории... на съезде естествоиспытателей в Штеттине» (стр. 209). Для характеристики стиля борьбы против дарвинизма в Германии Антонович упомянул следующий эпизод. Когда в 1862 г. был обнаружен археоптерикс — «важная для дарвинизма промежуточная форма между рептилиями и птицами, профессор Гибель²⁸... решился печатно доказывать, что эта ненавистная окаменелость есть обман и подделка, что она в подлинном виде есть обыкновенная ящерица, но к ней какие-то обманщики приделали фальшивые перья... и поэтому она может служить не подтверждением, а скорее позором для теории» (стр. 211). Заслугой немецких дарвинистов, по словам Антоновича, явилось использование для эволюционной проблематики данных эмбриологии, установившей сходство между зародышами разных систематических групп. Обсуждение фактов, относящихся к области эволюционной эмбриологии, Антонович начал в характерном для него стиле: «Курьез» — жаберные щели у зародышей высших позвоночных, в том числе человека. «К чему и с какой стати появляются у зародышей млекопитающих эти жаберы — решительно непостижимо» (стр. 214). И переходя с фелетонного стиля на язык науки, Антонович разъяснил, как теория Дарвина «пролила свет на эти и подобные яв-

²⁸ Ch. G. Giebel (1820—1881) — немецкий палеонтолог и зоолог.

ния в эмбриологии» (стр. 215), показав, что «геологической истории животного царства... в общих чертах должна соответствовать и эмбриологическая история каждой особи животных», что «по терминологии Геккеля, выражается так: онтогенез есть повторение и параллель или копия филогенеза» (стр. 216—217). Антонович сообщил содержание писем Дарвина к Геккелю, свидетельствующих о положительном отношении Дарвина к «Общей морфологии» и «Естественной истории миротворения» Геккеля, и упомянул о разногласиях относительно теории Дарвина между ведущими деятелями немецкой науки. В то время как Гельмгольд в выступлении на съезде естествоиспытателей в Инсбруке высоко оценил дарвинизм, Вирхов выступил с требованием запретить преподавание теории Дарвина в немецких учебных заведениях. «Это, — по словам Антоновича, — крайне изумило Дарвина... он успокаивал себя надеждой, что Вирхов когда-нибудь сам устыдится своего поступка» (стр. 221).

Что касается Франции, то, по словам Антоновича, ее «ученые и публика отнеслись (к теории Дарвина. — Л. Б.) на первых порах с полным равнодушием». Однако после появления в 1862 г. французского перевода «Происхождения видов» Клеменсия Руайе (Антонович писал Ройе) «Флуранс... разразился против теории целой брошюрой «Анализ книги г. Дарвина о происхождении видов»²⁷. О ее содержании, писал Антонович, «можно судить по трескучему, но бессмысленному фейерверку фраз: «...Что за темные, что за ложные идеи! Какой метафизический жаргон, внесенный некстати в естественную историю и переходящий в галиматью» (стр. 226). «Гексли, — продолжал Антонович, — написал на эту брошюру Флуранса едкую и злую рецензию, а Дарвин писал Гексли, что «старик Флуранс едва ли стоит пороку и дробу». Далее Антонович упомянул о Катрфаже, который выступил против теории Дарвина с целым рядом статей в «Revue des Deux Mondes».

Дарвин «в письме к Катрфажу выражал надежду, несмотря на его критику, оказать влияние на некоторых начинающих натуралистов во Франции» (стр. 227). «Надежды Дарвина, — продолжал Антонович, — оправдались... палеофитолог граф Сапорта в целом ряде блестящих статей... развивал и иллюстрировал новую теорию многочисленными примерами из истории ископаемых растений». Антонович привел выдержку из труда Г. Сапорта «Мир растений до появления человека»²⁸. «Все новые идеи, даже самые верные и плодотворные, встречают сопротивление. Но они не угасают, а в этой самой борьбе почерпают силу... мало-помалу они укрепляются и окончательно завоевывают свое место. Эволюционная теория находится в настоящее время в подобной фазе» (стр. 229).

²⁷ Flourens P. Examen du livre de M. Darwin sur l'origine des espèces. Paris, 1864.

²⁸ Saporta G. Le monde des plants avant l'apparition de l'homme. Paris, 1879.

Переходя к восприятию эволюционной теории в России, Антонович заметил, что это «еще один лишний раз доказывает курьезную русскую самобытность, по которой мы везде и во всем стремимся непременно бороться с Западом... На Западе... теорию Дарвина везде встречали на первых порах враждебно, тогда как мы встретили (эту теорию.— Л. Б.) с распростертыми объятиями, принялись изучать и пропагандировать ее» (стр. 232). Говоря о восторженном восприятии эволюционного учения в России, Антонович в первую очередь имел в виду К. А. Тимирязева, который уже на первом курсе университета слышал о книге Дарвина на лекции профессора С. С. Куторги и о котором позднее он вспоминал с благодарностью. Тимирязев, по словам Антоновича, был «самым убежденным и горячим последователем (теории Дарвина.— Л. Б.), самым авторитетным и победоносным ее защитником» (стр. 234). Говоря о сочувствии, с которым было принято в России «Происхождение видов», Антонович упомянул об анонимной статье в «Библиотеке для чтения» (№ 11 и 12, 1861), посвященной изложению эволюционных взглядов Дарвина. Содержание его теории изложено в этой статье так: «Все животные и растительные виды настоящей эпохи происходят по прямой линии от видов, которые жили во время предшествующих геологических эпох. Некоторые индивидуальные изменения, происшедшие под влиянием различных причин, склоняются к образованию разновидностей, потом — новых пород при помощи естественной отборности. Из всех новых пород, происшедших от одного и того же вида, наиболее несходные остаются в живых, между тем как посредствующие расы уничтожаются в битве жизни. Тогда остающиеся породы считаются отдельными видами» (№ 11, стр. 25). В этих кратких словах охарактеризованы все основные черты теории Дарвина: филогенетическая связь ныне живущих организмов с жившими прежде, неопределенный характер изменчивости, превращение возникающих разновидностей в новые виды в результате борьбы за существование («битвы жизни») и естественного отбора («естественной отборности» как было переведено дарвиновское понятие *natural selection*), а также дивергенция признаков. Резюмируя, автор статьи писал: «Из всех теорий происхождения видов теория Дарвина, бесспорно, самая логическая, самая удовлетворительная и в то же время одна из самых простых. Эта теория очевидным образом приблизила нас к желаемому решению — и это уже можно назвать истинным завоеванием» (№ 12, стр. 33).

Задаваясь вопросом, кто написал эту статью, Антонович, отметив разностороннюю эрудицию автора, высказал предположение, что это был профессор С. С. Куторга и что в упомянутой статье «изложено было содержание той его лекции о дарвинизме, о которой говорит г. Тимирязев» (стр. 236). Антонович имел в виду речь К. А. Тимирязева «Факторы органической эволюции» на VIII Съезде русских естествоиспытателей и врачей (1890)²⁹, в которой

²⁹ Тимирязев К. А. Соч., т. V. М., Сельхозгиз, 1938, с. 107—108.

Тимирязев вспоминал события 30-летней давности в следующих словах: «Покойный Степан Семенович Куторга на одной из первых лекций нам, первокурсникам, с отличавшей его обстоятельностью изобразил на черной доске название книги (Дарвина.— Л. В). «Книга новая, но хорошая», помнится прибавил Степан Семенович и вслед за тем, со свойственным ему мастерством, в ясных, сжатых чертах изложил содержание этой удивительной книги, показавшей нам органический мир в совершенно новом свете...» Вспоминая далее о Куторге, Тимирязев продолжал: «Мы, помнится, вполне искренне считали его отсталым, и от этого-то отсталого старика услышали мы, почти вслед за ее появлением, объективную оценку теории, своим новаторством приводившей в негодование людей, которых мы ему ставили в пример» (стр. 108). Совершенно естественно, что, опираясь на эти воспоминания Тимирязева, Антонович имел основания говорить о Куторге, как возможном авторе анонимной статьи. Предположение Антоновича в свое время решительно оспаривал Б. Е. Райков³⁰. Его предубеждение против возможного авторства Куторги выразилось прежде всего в том, что из приведенной речи Тимирязева он оставил только фразу, что Куторга сообщил студентам название книги Дарвина и реплику «Книга новая, но хорошая», но не упомянул о том, как высоко оценил Тимирязев изложение ее содержания. Далее Б. Е. Райков в цитированной статье писал: «Мы не можем сомневаться в рассказе К. А. Тимирязева, но можно усомниться, успел ли Куторга действительно ознакомиться с этой книгой, которая проникла в Россию не ранее лета 1860 г.» (стр. 39). Если нет сомнения в рассказе Тимирязева, то следует признать, что Куторге было достаточно лета 1860 г., чтобы прочесть книгу Дарвина и в начале осени изложить ее содержание на лекции. К числу аргументов против предположения Антоновича о Куторге как авторе анонимной статьи Райков относил следующий. Анонимный автор упомянул в своей статье работу Пикте, опубликованную 20 апреля 1861 г., тогда как Куторга умер 25 апреля того же года; статья в «Библиотеке для чтения» вышла в свет через полгода после его смерти. Разумеется, не исключено, что статью Куторги мог окончательно подготовить к печати кто-нибудь из близких к нему людей и внести в нее ссылку на Пикте. Все остальные доводы Б. Е. Райкова против авторства Куторги основаны на том, что последний ранее выступал против эволюционизма, например, в брошюре на немецком языке «Несколько слов против теории постепенного возникновения органических существ на Земле» (1839), в которой Куторга отстаивал идеи креационизма. Райков все же допускал возможность некоторых изменений во взглядах Куторги, ссылаясь на его статью³¹, в которой Куторга, по словам Райкова, уже не

³⁰ Райков Б. Е. Из истории дарвинизма в России. Очерк второй.— Труды ИИЕиТ, 1960, 31, вып. 6, 17—81.

³¹ Куторга С. С. Общий закон появления, существования и исчезания организмов.— Библиотека для чтения, 1851, с. 1—24.

отстаивал библейскую версию и «принял теорию многократных повторений»³². Приведенные далее выдержки из статьи Куторги свидетельствуют, что он имел в виду не «повторные творения», а лишь то, что новые формы появлялись на Земле на смену погибших, однако без филогенетической связи между старыми и **новыми** формами. Далее Райков подробно охарактеризовал реакционные общественные взгляды Куторги, считая, что эти данные тоже говорят против принадлежности ему анонимной статьи 1861 г. Относительно ортодоксальных креационистских представлений Куторги первого периода его деятельности Райков поставил вопрос: «Был ли Куторга вполне искренен в этих своих мнениях?» и заметил, «что Куторга всю жизнь работал в тяжелых условиях казарменного николаевского режима. А мы знаем, что значит деспотический режим для мнений и взглядов ученых» (стр. 37).

Более осторожно, чем Райков, об авторстве статьи в «Библиотеке для чтения» 1861 г. высказался С. Л. Соболев³³. Ссылаясь на мнение Антоновича, что Куторга немедленно после ознакомления с дарвинизмом сделался его сторонником, Соболев заметил, что «доводы Антоновича в пользу авторства Куторги не очень убедительны» (стр. 39). «Возможно, конечно,— продолжал Соболев,— что, ознакомившись с учением Дарвина, Куторга изменил свои взгляды, но правильной, нам кажется, допустить, что, как добросовестный профессор, он просто считал необходимым ознакомить студентов с книгой Дарвина как с последней научной новинкой» (стр. 41). Пытаясь ответить на вопрос, кто был автором анонимной статьи, Райков на основании косвенных данных, в частности лексикологических сопоставлений, выполненных по его просьбе филологами, пришел к выводу: «Можно с уверенностью утверждать» (стр. 49), что автором статьи был Н. Н. Соколов. Этому решительному утверждению противоречат, однако, приведенные Райковым сведения о научной специальности Соколова, который окончил юридический факультет, затем отделение естественных наук и работал в области органической химии и минералогии. Следовательно, научная специальность Соколова была весьма далека от тех биологических проблем, о которых писал с полным знанием дела автор анонимной статьи. Обсуждение вопроса о ее авторе можно резюмировать так: этот вопрос остается нерешенным, хотя доводов в пользу авторства Куторги³⁴ все же больше, чем в пользу авторства Соколова.

³² Райков Б. Е. Из истории дарвинизма в России, с. 38.

³³ Соболев С. Л. Возникновение и развитие материалистической традиции в русской эволюционной мысли XVIII и первой половины XIX века.— Труды ИИЕиТ, 1953, 5, 11—50.

³⁴ В. С. Кружков, редактор и комментатор книги М. А. Антоновича «Избранные философские сочинения» (см. сноску 4) в примечании (стр. 371) писал: «Предположение Антоновича, что автором (статьи в «Библиотеке для чтения».— Л. Б.) был С. С. Куторга, представляется весьма вероятным, потому что Куторга с 1845 г. был сотрудником «Библиотеки для чтения» и поместил в этом журнале много статей».

Далее Антонович вспомнил еще одного популяризатора теории Дарвина, который выступил в печати до появления русского перевода «Происхождения видов». Этим популяризатором, «рекомендовавшим (книгу Дарвина.— Л. Б.) в самых лестных выражениях вниманию не ученых только, а всей читающей публики, был *incredible dictu* (невероятно сказать) г. Страхов». Это ироническое замечание вполне понятно, если вспомнить позднейшие выступления Страхова против дарвинизма. Антонович привел длинную выдержку из ранней статьи Страхова «Дурные признаки»³⁵, в которой он обоснованно полемизировал с расистскими и социал-дарвинистскими взглядами К. Руайе, переводчицы книги Дарвина на французский язык, а затем продолжал: «И вот в настоящее время этот самый человек радикально противоречит самому себе, отрицается и отрещивается от теории Дарвина и всякого дарвинизма, вызывает из забвения книгу Данилевского против Дарвина... не менее недобросовестную, чем антидарвинистические сочинения английских духовных, провозглашает, что она вполне опровергла дарвинизм!» (стр. 238).

Антонович сослался на отклики в русской периодической печати на вышедший в 1864 г. русский перевод «Происхождения видов». Положительные рецензии печатались в «Современнике», «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения», а отрицательные — в «Русском вестнике», который публиковал «переводы английских самых злостных нападок на теорию Дарвина» (стр. 239). «Из выдающихся русских ученых, принимавших теорию Дарвина», Антонович упомянул А. Н. Бекетова, К. А. Тимирязева и А. О. Ковалевского, который «своими классическими исследованиями по эмбриологии ланцетника и асцидий дал новый блестящий аргумент в пользу теории Дарвина». И. И. Мечников, по словам Антоновича, принимал дарвинизм с оговорками; его «нерасположение к дарвинизму» Антонович объяснял тем, что «дарвинизм олицетворялся в Геккеле, ученом противнике Мечникова, к которому он питает, кажется, преувеличенную враждебность» (стр. 240). Эту мысль Антонович подробно не развил, но его оценку взаимоотношений между Мечниковым и Геккелем следует признать справедливой.

Переходя к рассмотрению сочинений Дарвина, вышедших после «Происхождения видов», Антонович отметил, что «почти все последующие... работы Дарвина были или подтверждением его основной теории, или приложением ее к разным явлениям животного и растительного мира... Вся природа и всякая подробность в ней давали ему аргументы в пользу его теории» (стр. 241). Антонович прежде всего остановился на книге «Изменения живот-

³⁵ Страхов Н. Дурные признаки.— Время, 1862, ноябрь, с. 158—172. Ранние эволюционные взгляды Страхова подробно рассмотрел С. Л. Соболев (Из истории борьбы за дарвинизм в России.— Труды ИИЕиТ, 1957, 14, 195—226).

ных и растений при одомашнении» (1868)³⁶, вышедшей в том же году в русском переводе под редакцией И. М. Сеченова. При обсуждении содержания этого труда Антонович остановился на причинах возникновения изменений: «...Случайное, т. е. необъяснимое и непонятное для нас появление каких-нибудь незначительных особенностей у одной какой-нибудь особи, усиленное употреблением или неупотреблением того или другого органа или части тела, иногда прямое влияние климата и пищи... скрещивание с другими породами... соотношение между частями организма» (стр. 242). Обсуждая соотношение внутренних и внешних причин возникновения изменений, Антонович отметил, что «есть в самих организмах неизвестные внутренние причины, которые в деле изменения играют более важную роль, чем внешние причины. Известные внешние влияния действуют в течение очень продолжительного времени на тысячи одинаковых особей, однако изменения появляются не всегда, а только изредка... и притом не у всех особей, а только у одной из тысячи... В большей части, а может быть и во всех случаях сущность изменения зависит гораздо больше от организации... особи ...нежели от свойства условий» (стр. 243). Для иллюстрации этой мысли Антонович привел слова Дарвина, что свойство пламени зависит не столько от искры, вызвавшей горение, сколько от качества горючего материала. Имея в виду показать логический ход мысли Дарвина, перенесшего идею искусственного отбора, применяемого человеком при выведении нужных ему пород домашних животных и сортов культурных растений, в область явлений эволюции всего органического мира, Антонович достаточно подробно остановился на методах и результатах искусственного отбора и заключил: «Когда ум... живо проникается убеждением в силу и действительности слабого искусственного человеческого подбора, тогда станут для него вполне понятны вся мощь и безграничное всеисилие естественного подбора» (стр. 245). Как всегда Антоновичу особенно импонировали те суждения Дарвина, которые облекались в форму, доступную пониманию читателя-неспециалиста. К числу такого рода суждений относится известное сравнение Дарвином процесса естественного отбора, создающего формы, требуемые условиями существования, с работой строителя, подбирающего различные по форме обломки скалы для возведения стен, арок и других деталей архитектурного сооружения. В заключение этого раздела Антонович кратко и без критической оценки изложил теорию пангеизиса Дарвина.

Переходя к книге Дарвина «Происхождение человека и поло-

³⁶ Антонович привел текстуальный перевод названия книги Дарвина. В русском издании она называлась иначе: «Происхождение видов. Отдел I: Изменения животных и растений вследствие приручения». Обстоятельства, вызвавшие это изменение заглавия в переводе В. Ковалевского, осветил С. Л. Соболев в «Библиографии трудов Ч. Дарвина» (*Дарвин Ч. Соч.*, т. 9. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 487—488).

вой отбор», вышедшей в 1871 г. и год спустя появившейся в русском переводе, Антонович прежде всего заметил, что происхождение человека есть следствие того же процесса, которому обязаны своим происхождением и другие виды животных; в частности, в эволюции человека, как и в эволюции многих животных, играл значительную роль половой отбор. Сопоставление организации современного человека и других млекопитающих свидетельствует о том, что среди ныне существующих видов нет ни одного, который мог бы считаться предком человека. Следовательно, широко распространенное и вызывавшее столько отрицательных эмоций выражение — «человек произошел от обезьяны» не является точным отражением подлинной истории человеческого рода. Правильней было бы говорить, что человек и ныне живущие обезьяны родственны, так как имеют общих предков. О признаках этих ныне вымерших предков, как писал Антонович, в частности о конфигурации их черепа, челюстей и строении мозга, можно строить только гипотетические предположения. Это утверждение Антоновича можно объяснить тем, что обнаружение остатков неандертальского человека и питекантропа осталось ему неизвестным. Основное возражение противников идеи эволюции человека от более просто организованных форм, покоящееся на будто бы присущих только человеку умственных и нравственных свойствах, Антонович парировал следующими соображениями: «Умственные способности представляют в классах животного царства длинную возрастающую прогрессию... они представляют различие только по степени, только по количеству» (стр. 255). Для подтверждения этой мысли Антонович привел соответствующие цитаты из Дарвина.

Одной из сторон эволюции психической деятельности человека Дарвин посвятил специальную работу «О выражении ощущений у человека и животных», содержание которой Антонович рассмотрел в специальном разделе своей книги, объединив эти материалы в одной главе с изложением других, более поздних работ Дарвина, в которых сообщалось о приспособлении орхидей к опылению насекомыми, о действии перекрестного оплодотворения и самоопыления в растительном царстве и о разных формах цветков у растений одного и того же вида³⁷.

В предпоследней главе Антонович осветил содержание других ботанико-физиологических работ Дарвина — о движениях лазящих растений и вообще о способности растений к движениям, а также о насекомоядных растениях. Последнюю главу своей книги Антонович посвятил сочинениям Дарвина, «не имеющим прямого отношения к его (эволюционной) теории». В ней рассказано о путешествии Дарвина вокруг света и изложено содержание его работ

³⁷ И. М. Поляков в статье «Проблема оплодотворения растений в ее историческом развитии» (*Дарвин Ч. Соч.*, т. 6. М., 1950) отметил, что «во многих произведениях К. А. Тимирязева, М. А. Антоновича, С. Рачинского, И. П. Бородина и др. важные исследования Дарвина по биологии цветка... встретили сразу понимание» (стр. 55—56).

о строении коралловых рифов и об образовании растительного слоя почвы деятельностью дождевых червей.

Оценивая впечатление от обширного и добросовестного труда Антоновича, можно сказать, что его книга о Дарвине и дарвинизме, несомненно, была полезна широкому кругу русских читателей на рубеже XIX и XX вв. В ней сочеталось освещение фактических данных биологии, реформированной учением Дарвина, с обсуждением теоретических вопросов, пограничных между биологией и философией. Вся деятельность Антоновича как публициста, популяризатора и переводчика отражала его одновременный интерес к фактам из различных областей естествознания и к методологическим вопросам, при обсуждении которых он шел по стопам Чернышевского³⁸.

Разносторонняя деятельность М. А. Антоновича включала трудоемкую работу переводчика научной литературы. О некоторых изданных им переводах, в частности книг по физиологии, уже было сказано выше.

В заключение следует специально отметить интерес Антоновича к истории естествознания, выразившийся в переводе (частично совместно с А. Н. Пыпиным) трехтомного сочинения У. Юэла (по транскрипции переводчиков В. Уэвелля), посвященного истории естественных наук³⁹. В предисловии ко II тому Антонович подверг критике само заглавие книги Юэла, отметив, что в естествознании, историю которого излагал Юэл, применяются во взаимной связи как индуктивный, так и дедуктивный методы. Юэл, говоря об индуктивных науках, именно и имел в виду естественные науки; в таком духе И. Литтров изменил заглавие немецкого перевода книги Юэла, назвав ее «История всех естественных наук». Антонович решительно возражал против склонности Юэла к идеалистической философии, против его «пристрастия к идеалисту Платону и особенного нерасположения к натуралисту Аристотелю». Это философское умонастроение Юэла отчетливо проявилось во второй половине III тома, где излагается «история органических наук, занимающихся жизнью животных и человека» (стр. XX). В качестве иллюстрации влияния философии на биологические воззрения Антонович привел разногласия между сторонниками единства плана и изменяемости видов, с одной стороны, и сторонниками учения о многих планах строения и неизменности видов — с другой. Именно последнюю точку зрения и защищал Юэл. «Естествоиспытателя-

³⁸ Свидетельством идейной связи Антоновича с Чернышевским может служить, в частности, тот факт, что В. И. Ленин в эмиграции, интересуясь деятельностью Чернышевского, просил выписать ему книгу «Памяти Н. Г. Чернышевского. Доклады и речи Аппенского, Антоновича, Туган-Барановского и др.» (СПб., «Общественная польза»). (Письмо В. И. Ленина к Д. М. Котляренко из Франции 1 августа 1910 г. — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 258.)

³⁹ *Уэвелль В.* История индуктивных наук от древнейшего до настоящего времени. Пер. с 3-го англ. изд. М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина (Изд. «Русской книжной торговли»), СПб., т. I, 1867. XXII+589 с.; т. II, 1867. XVIII+813 с.; т. III (пер. М. А. Антоновича), 1869. 912 с.

тели с супранатуралистическим философским образом мыслей,— писал Антонович,— считают, что организм каждого животного... удивительным образом приспособлен к... той обстановке, среди которой он живет». Отсюда эти естествоиспытатели делают вывод, что «приспособленность является доказательством их мнения о предварительной целесообразности или о так называемых конечных причинах» (стр. XXII). Именно такой точки зрения придерживался Юэл, и за это его осуждал переводчик М. А. Антонович.

Как отмечено выше, Антонович не раз в своих сочинениях подвергал критике идеалистические представления в биологии, особенно детально в книге «Чарльз Дарвин и его теория». В обсуждаемом «Предисловии к книге Юэла ссылок на Дарвина нет. Очевидно, Антонович не хотел нарушать историческую перспективу: последнее прижизненное издание книги Юэла датировано 1857 г., т. е. оно появилось до выхода в свет «Происхождения видов». Для характеристики мировоззрения Юэла, биографические данные о котором приведены в «Заключении», Антонович сообщил также о том, что Юэл был одним из авторов «так называемых Бриджватеровских трактатов», целью которых «было указание всемогущества, премудрости и благости божьей в устройстве мира». При всех недостатках книги Юэла она отличается, как отмечал Антонович, богатством фактического содержания. «Читатель... может доверчиво принимать факты, сообщаемые Уэвеллем, но не должен доверяться его объяснениям, особенно философским» (стр. XXVII).

В «Предисловии» Антонович коснулся также вопроса о значении изучения истории науки; он исходил из положения, что «наилучший способ изучения всякого предмета есть исторический способ... Только из истории науки мы можем понять настоящий существенный смысл каждого научного положения» (стр. XXVIII). Относительно высказывавшихся утверждений, что «история науки есть не что иное, как... перечень заблуждений, ошибок и ложных понятий», Антонович заметил, что это «мнение... односторонне и не верно» (стр. XXXII). Научные истины «раскрываются и развиваются постепенно»; научные теории «не уничтожаются бесследно, они служат ступенями, ведущими к дальнейшим, новым» (стр. XXXII). Даже теории, ложность которых доказана, и опровергнутые факты науки должны упоминаться в ее истории, если они «послужили каким-нибудь указанием или отрицательным намеком на истину» (стр. XXXIII). Высоко оценивая книгу Юэла в отношении полноты освещения последовательности научных открытий, Антонович высказал сожаление, что в этой книге не показано влияние прогресса естественных наук на «общий прогресс человечества», на «миросозерцание», на уничтожение «закоренелых предрассудков, как теоретических, так и практических» (стр. XI). Антонович считал, что изучение истории науки, и естествознания в особенности, должно способствовать социальному прогрессу и торжеству материалистического мировоззрения. Он сам, в меру своих возможностей, стремился в своей литературной деятельности служить этим целям.

L. Ia. Blacher

**M. A. ANTONOVICH AS A POPULARIZER
AND PROPAGANDIST OF DARWINISM**

Summary

The article deals with the activity of the Russian publicist M. A. Antonovich (1835—1918) who had written among the first a detailed review of the Russian translation (1864) of Darwin's work «On the origin of species» and (much later) published the book «Charles Darwin and his theory» (1896). The defense of the darwinism by Antonovich was connected with his materialist views in the field of physiology, particularly of psychophysiology.